

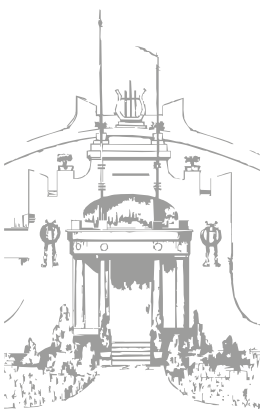
Вячеслав Давыдов

Дворцы и замки
архитектора
Каллистратова

Вячеслав Давыдов

*Дворцы и замки
архитектора Калистратова*

Саратов
2015

ББК 85.113(2)
Д13

Книга издана по инициативе и при поддержке
Фонда гражданского строительства и экспертизы
имени С. А. Каллистратова
в лице председателя Якова Стрельцина

Давыдов, В. И.

Д13 Дворцы и замки архитектора Каллистратова: историко-биографическое, документальное издание / В. И. Давыдов. – Саратов: ИП Веземетина А. Н., 2015. – 416 с.: ил.

ISBN 978-5-904076-09-2

Автор вступительной статьи – **С. Н. Калистратова**.
Автор воспоминаний о С. А. Каллистратове – **М. А. Дроздова**

Семён Акимович Каллистратов (1874–1966) – выдающийся российский архитектор, автор проектов зданий, ставших архитектурными символами Саратова, – консерватории и гостиницы «Астория» («Волга»). Основная деятельность архитектора связана с Новороссийском и Саратовом.

Настоящее издание рассказывает о творческом пути талантливого архитектора с особым акцентом на его саратовском периоде. В книге представлены записи С. А. Каллистратова дневникового характера, документы Государственного архива Саратовской области, воспоминания о С. А. Каллистратове.

ISBN 978-5-904076-09-2

© В. И. Давыдов, текст, фото, 2015
© М. А. Дроздова, текст, фото, 2015
© С. Н. Калистратова, текст, фото, 2015
© Саратовский областной музей краеведения, 2015
© Фонд гражданского строительства и экспертизы
имени С. А. Каллистратова, 2015
© ИП Веземетина А. Н., издательство, 2015

В жизни нам сопутствует удача, когда мы встречаемся с порядочными и вдобавок талантливыми людьми. Для меня такой удачей было знакомство с родственниками выдающегося архитектора Семёна Акимовича Каллистратова Светланой Николаевной Калистратовой и Мариной Анатольевной Дроздовой.

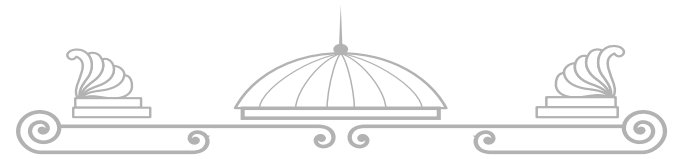
Да, мы знали проекты, которые С. А. Каллистратов воплотил в жизнь в Саратове, и восхищались ими, но в воспоминаниях близких о «дяде Сене» предстал совсем другой образ – живого, равнодушного человека в прямом смысле энциклопедических знаний, блестяще образованного, со вкусом к жизни и, главное, работе, архитектора с логикой инженера и философией демократа. Каллистратов был представителем, к сожалению, во многом безвозвратно утраченного слоя российской интеллигенции. Многие выдающиеся учителя, инженеры, врачи, писатели, музыканты, юристы и, разумеется, архитекторы XIX – начала XX веков были не только авторами научных работ и литературных произведений, изобретений и симфоний, врачебных методик и зданий. Они – основа, пусть и сильно обеднённая, той почвы, на которой выросло новое поколение интеллигенции, давшее Советской России блестящие школы учёных, инженеров и возможно, в меньшей степени, архитекторов.

Самые известные проекты Каллистратова: масштабное и стильное здание гостиницы «Астория» («Волга»), саратовская консерватория – стали символами города. Но оба проекта уникальны не только своим архитектурным решением. До сих пор мало кто знает, что «Астория» – это, вероятно, первое в провинции здание, построенное по каркасно-монолитной технологии 100 лет назад! С пустотелыми, коробчатого сечения перекрытиями, обеспечивающими постояльцам самую эффективную на тот момент звукоизоляцию. А перестройка здания Музыкального училища для нужд открывающейся в это время консерватории – блестящий проект, в котором высокая художественность и новизна архитектурных решений не помешала бережному отношению к саратовской городской казне как общественному достоянию горожан. Всего 3500 рублей были израсходованы предельно эффективно.

Архитекторы с таким невероятным и разнообразным талантом, как у Семёна Каллистратова, сродни знаменитым художникам, творения которых не просто «ласкают взор», а заставляют воспринимать «застывшую музыку» как своего рода послание: «Я так видел, я так чувствовал, я любил своё ремесло, и я знал, что должен делать».

Яков Стрельцин,

*председатель Фонда гражданского строительства
и экспертизы имени С. А. Каллистратова*

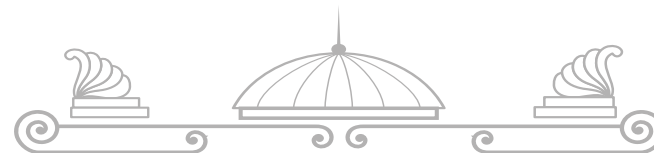
Из прошлого в будущее

Слово к читателю

Двадцатый век отмечен многими трагедиями в жизни народов России: революциями, Гражданской войной, двумя мировыми войнами, репрессиями.

Было время, когда людей пытались заставить забыть своих близких и отречься от предков. Это коснулось всех социальных слоёв общества – от интеллигенции до крестьянства. Не избежала этого и семья священника Акима Каллистратова, отца троих сыновей, одним из которых был будущий архитектор Семён Акимович Каллистратов. Три брата, будучи подвижниками, беззаветно служившими избранному делу, и просветителями, в разные периоды жизни подвергались репрессиям. Старший брат, Василий Акимович, священник, был арестован и расстрелян. Мой дедушка, Андрей Акимович, со студенческих лет был сослан в Сибирь, где и познакомился с бабушкой, которая также была ссыльной. Да и Семён Акимович на склоне своих лет находился в ссылке в Казахстане, в городе Петропавловске, вплоть до смерти Сталина.

Но для жизни народа, для его духовного здоровья и его будущего необходимо знать свои корни и достижения своих

на открытках, адресованных сыну и дочери. Научные материалы стали доступны исследователям в фондах музея.

Именно после этого и родилась идея написать книгу о Семёне Акимовиче Каллистратове.

Массив документов из семьи архитектора (личная переписка и записи Каллистратова дневникового характера) сыграл свою особую роль в реализации идеи, но основную базу источников всё же составили документы Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО), а также периодическая печать 1911–1918 годов.

Наиболее информативными оказались документы, найденные в ГАСО. Как ни странно, из периодической печати необходимого материала выявить удалось немного. За ходом строительных работ провинциальная пресса особо не следила, и вся информация о возводимых зданиях ограничивалась сухими строками постановлений городской думы или управы.

О творчестве Семёна Акимовича Каллистратова сейчас напоминают построенные им и сохранившиеся и по сей день здания, но они молчаливы и мало могут «поведать» нам о своём творце, рассказать о его творческих замыслах и их воплощении в Саратове.

Наша книга состоит как бы из трёх частей: историко-биографического очерка о жизни и творчестве архитектора Каллистратова, воспоминаний племянницы Семёна Акимовича М. А. Дроздовой и дневников, личных записей самого С. А. Каллистратова. Надеемся, что она подарит читателю удовольствие познакомиться с неординарным, творческим, целеустремлённым, сильным человеком и некоторыми подробностями его жизни в нашем городе.

Вячеслав Давыдов,

главный научный сотрудник, ГАУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области»

Вячеслав Давыдов

Дворцы и замки архитектора Каллистратова

Начнём мы, пожалуй, вот с этого письма Семёна Акимовича Каллистратова от 18 марта 1966 года:

«Уважаемый¹ Пётр Александрович!²

Получив Ваше письмо от 4/III с. г., я был приятно удивлён и прошу извинения, что не мог сразу Вам ответить, – в прошлом 65-м году я перенёс 2-хстороннее воспаление лёгких в тяжёлой форме и с тех пор никак не могу оправиться, а ведь мне пошёл уже 93-й год.

Задуманное Вами дело дать потомкам в иллюстрированной монографии облик Саратова первой половины XX сто-

1 Здесь и далее документы в основном приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, нормами и стандартами книгоиздания.

2 Пётр Александрович Козлов-Свободин (1885–1960-е) – инженер, артист, руководитель любительских драматических коллективов. Родился в семье рабочего. Учился в первом Ильинском начальном училище, затем – в Саратовском городском Александровском ремесленном училище. С 1901 года играл в любительских труппах. В советское время занимался культурно-просветительской работой, руководил самодеятельными театральными коллективами. Оставил обширную рукопись воспоминаний, хранящуюся в Саратовском областном музее краеведения (СОМК).

Привет Вам
уважаемый Петр Александрович!

Получив Ваше письмо от 4/III с.г. я
был приятно удивлен и прошу из-
винения, что не так сразу Вам от-
ветил, — в прошлом году я пере-
нес 2-х кратное воспаление легких
в тяжелой форме и сейчас по-
ка не могу справиться, а ведь мне
пошел уже 93-й год.

Задумавшись Вами дело дать
потentially великодушную ко-
пию облик Саратова первой
половины XIX столетия очень и очень по-
хвально. Каждый город должен иметь
свое лицо и свое место в истории
и потому не могу приветствовать Ваше
намерение в этом направлении.

К сожалению мое участие в развитии
Саратова было очень кратковремен-
ным и незначительным.

Я старался отбросить все представле-
ние Ваши вопросы, хотя при ближайшем
соприкосновении здоровья мне не легко будет
это сделать. Благодарю Вас за внимание,
18/III 66. которое Вы уделили мне.
уважающий Вас С. Каллистратов

Письмо Семёна Акимовича Каллистратова от 18 марта 1966 года

летия очень и очень похвально. Каждый город должен иметь
свое лицо и свое местопребывание в истории, и потому нель-
зя не приветствовать Ваше намерение в этом направлении.

К сожалению, моё участие в развитии Саратова было
очень кратковременным и незначительным»¹.

К адресату С. А. Каллистратова мы ещё вернёмся, а вот
слова автора письма о незначительности его участия в раз-
витии Саратова говорят лишь о большой скромности выда-
ющегося для провинциального Саратова архитектора.

Скромной была только должность — участкового архитек-
тора (3-го Городского архитектора), служащего городской упра-
вы, но по делам и замыслам Каллистратов был талантливым че-
ловеком, много сделавшим для украшения нашего города.

Оставшиеся после Семёна Акимовича дневники, эписто-
лярное наследие, так счастливо оказавшееся в Саратове в год
140-летия со дня его рождения, также мало помогает иссле-
дователям в личной оценке архитектора. Среди многих
записей Каллистратова встречаются строки о взаимоотно-
шениях городской управы с архитектором, с подрядчиками,
но ничего нет о его собственном творчестве, а ведь для нас,
ежедневно видящих великолепные здания, воплощённые
в жизнь по его проектам, это было бы весьма немаловажным.
Остаётся лишь один способ выяснить роль в истории Сара-
това архитектора Семёна Акимовича Каллистратова — обра-
титься к тем немногочисленным документам, что сохрани-
лись в ГАСО, да к редким публикациям в местной периодике.

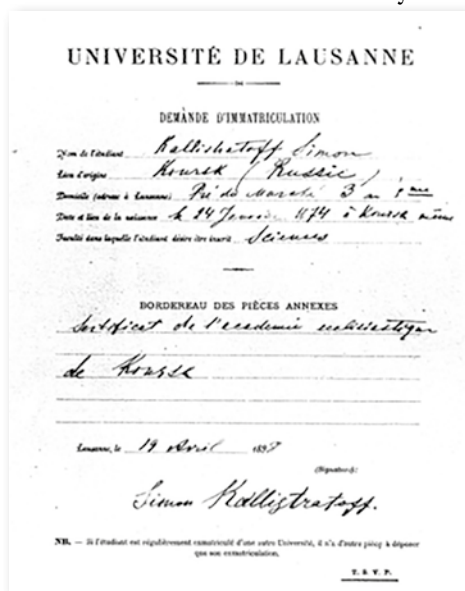
Техническое отделение при Саратовской городской
управе, в котором по штату служили городские архитекто-
ры, было создано постановлением городской думы от 28 мая
1871 года. «На основании 2-го примечания к ст. 114 городо-

1 СОМК. НВСП 27769.

было, лишь закончив духовное училище, что, по-видимому, и произошло в уездном г. Рыльске, где как раз было таковое.

Как же Семён Каллистратов, молодой человек из российской глубинки, попал в Европу?

Существуют многочисленные версии пребывания за границей Семёна Каллистратова, озвученные и опубликованные разными исследователями и краеведами. Сам С. А. Каллистратов рассказал об этих событиях в своих воспоминаниях, законченных им в феврале 1958 года. Эти воспоминания публикуются далее в нашей книге. Мы не будем их здесь пересказывать и как-либо интерпретировать события этого периода жизни Семёна Акимовича Каллистратова. Скажем лишь, что, не имея при себе никаких документов, удостоверяющих личность, Семён Каллистратов смог устроиться в свободной Швейцарии. 19 апреля 1898 года Simon Kallistratoff подал прошение о зачислении его в Лозаннский университет.

Университет г. Лозанна.

Заявление на поступление.

Имя студента: **Каллистратофф Симон.**

Место рождения: **Курск, Россия.**

Место жительства (адрес в Лозанне):

возле Базара, 3. На третьем.

Дата и место рождения:

24 января 1874 в г. Курск (в самом).

Факультет, на который студент желает записаться: **Науки.**

Список прилагаемых документов.

Аттестат Духовной семинарии г. Курска.

Лозанна, 19 апреля 1898.

Подпись: **Симон Каллистратофф.**

Если у студента есть документ из другого университета, необходимо приложить выписку.

Университет в Лозанне

Зарегистрировав заявление, университет тем самым официально давал разрешение студенту поступить на факультет и посещать различные курсы, семинары и практические работы, необходимые для получения высшего образования. Условия записи на экзамены и требования по защите диплома устанавливались уже положениями соответствующих факультетов.

Лозаннский университет был организован в 1890 году на основе действовавшей с 1537 года школы богословия, называемой также академией. Возможно, именно молодость этого университета, об открытии которого наверняка писала и русская пресса, повлияла на выбор молодого Семёна Каллистратова.

В год поступления в университет Семёна Каллистратова среди представителей многих национальностей: армян, болгар, македонцев, итальянцев, португальцев, румын, пруссаков, саксонцев и даже бразильцев и американцев, не считая, конечно,

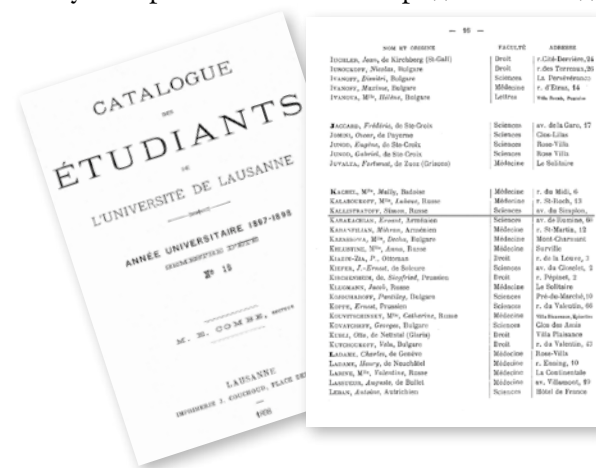
С. А. Каллистратов
в период учёбы в Курске

швейцарцев и французов, – в университет подали заявление 49 молодых людей из России и ещё 8 человек стали вольнослушателями, что помогло Семёну не чувствовать себя совершенно оторванным от родины.

Были среди студентов и вольнослушателей и уроженцы, вернее – уроженки, города Саратова. Например, в 1903–1904 учебном году, когда Семён уже заканчивал университет, их было 8 человек – с факультетов медицины, права, а также филологии.

Нельзя не отметить, что именно в эти годы Семён сформировался и как личность, отметив впоследствии, что это произошло «при непосредственном содействии Г. В. Плеханова», который тоже проживал долгие годы в Швейцарии.

Учёба в университете Лозанны продолжалась долгих 7 лет.

С. Каллистратов в списке студентов на 1897–98 учебный год

Diplôme de <i>Ingenieur</i> - <i>constructeur</i>						
№	NOM & PRÉNOMS	Lieu d'origine	Lieu de naissance	Date de la naissance	Date de la collation	OBSERVATIONS
120.	Vissocoff, Sava		Varso (Russie)	1 janvier 1874	5 juin 1904	
121.	Klunge, Henri		Hollaus	2 mars 1879	5 juin 1904	
122.	Chenaud, Henri		Novaz	5 octobre 1875	14 juin 1904	
123.	Gottsfrey, Albert	Challand	Geneve	15 sept. 1881		
124.	Higeli, Henri	Guggisberg (Sggs)	Schaffhouse	15 mars 1880		
125.	Kalistratov, Simon		Rybinsk (Russie)	15 janvier 1875		
126.	Korogiloff, Albert		Kelsh (Russie)	9/10 juillet 1881		
127.	Limongelli, Giovanni	Turin (Italie)	Cune	11 janvier 1880		

Запись под № 125 о выдаче диплома инженера-строителя
Семёну Каллистратову

Здание консерватории оставило в неприкосновенности интерьеры 1902 года. Во всех помещениях второго этажа сохранился первоначальный паркетный пол «в ёлочку».

Главным достоинством здания оставался и остаётся большой концертный зал. Благодаря большим размерам и обилию гипсового лепного декора на стенах и потолке зал обладает уникальными акустическими свойствами. Стены расчленены пилястрами большого коринфского ордера. Большие арочные окна фланкированы пилястрами малого ордера. Потолок выполнен в виде тянутых гипсовых кессонов размерами 1 × 1 м. В центре кессонов помещены гипсовые розетки. Потолок соединён со стенами через падуго, обработанные плетёнкой. Между падугами, стенами и перекрытием образована большая полость.

Люстры в зале не было. На пилястрах в два яруса были укреплены бра, частично заменённые в настоящее время. Балкон зала опирается на две металлические каннелированные колонны. Зал был рассчитан на 600 человек и в основном до наших дней сохранил облик 1902 года.

В фойе сохранились первоначальные бра с двумя рожками в виде цветов. На стенах фойе висели портреты композиторов, стоял бюст Бетховена.

В зал ведут три арочных проёма с первоначальными филёчатыми дверями.

Фойе и кабинеты сохранили обработку стен филёнками. В кабинете директора (теперь – ректора) сохранился мраморный камин.

Планировка и внутренняя отделка здания при реконструкции здания 1912 года переделкам не подвергались и во многом дошли до нас в первозданном виде, так, как это задумал и воплотил в жизнь архитектор А. Ю. Ягн. Кованые балконы, имевшиеся уже на здании, органично вошли в новую композицию без изменения.

Большой концертный зал

Малый зал (фойе второго этажа)

Саратовская консерватория стала первой консерваторией в провинции и третьей в России. В силу действующего устава ИРМО она носила название Саратовской императорской консерватории. По всемилостивейшему соизволению от 19 июля 1913 года на следующий год после открытия она получила наименование Алексеевской – по имени цесаревича, наследника престола, родившегося 12 августа 1904 года¹. Более чем через 100 лет мы вправе называть её и Каллистратовской.

А следом подходила очередь других проектов.

В 1913 году Россию ждало важное событие: 23 февраля исполнялось 300 лет с момента избрания на царство предка царствующего Дома Романовых Михаила Фёдоровича. На заседании 14 января 1913 года городская дума по докладу управы обсуждала, как достойно встретить этот праздник.

В ознаменование юбилея была предложена программа из восьми пунктов, в том числе с участием архитектора Каллистратова: «1) *построить одно здание для Учительского института, для двух 4-хклассных городских школ и одной одноклассной школы с 4-хгодичным курсом стоимостью согласно смете архитектора г. Каллистратова до 180 тыс. руб., присвоив этому зданию наименование: “В память 300-летия царствования Дома Романовых”, поручив Училищной и Бюджетной комиссиям детально разработать план и финансовую сторону построек;*

2) *построить два здания для бесплатных библиотек-читален (одну – за Белоглинским оврагом, другую – на горах) с залами при них для народных аудиторий стоимостью по проекту согласно смете архитектора г. Каллистратова, по 35 000 руб. каждое, наименовав одну из библиотек-аудиторий – Александровской, а другую – Николаевской в память*

1 ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 575. Л. 7.

ИМПЕРАТОРОВ: покойного Александра II и ныне царствующего Николая II, поручив Училищной и Бюджетной комиссиям детально разработать план и финансовую сторону построек.

Постройки как зданий Учительского института и школ, так и библиотек-аудиторий отнести на специальный заём»¹.

Задача, поставленная гласными перед архитектором, была грандиозная. Они хотели, чтобы здание было достойным памятником трёхвекового правления Дома Романовых, в то же время отвечало бы назревшим нуждам Саратова в постройке школ и, отметим, явилось бы существенным дополнением к плану десятилетнего школьного строительства. Место для здания, предназначавшегося для «соединённой начальной и повышенной народной школы с Учительским институтом», предполагалось в районе «между Трэком и Казарменной улицей» (ныне – стадион «Локомотив» и Университетская улица)².

В начале XX века в Саратове господствовал стиль эклектики, в котором особенно был силён городской архитектор А. М. Салько и который саратовцы даже ставили ему в вину. Местная печать, а именно «Саратовский листок», по этому поводу изобрела и новый термин, обозначающий творчество городского архитектора, – «салькоко». После неоднократных нападок на него А. М. Салько даже обратился в феврале 1903 года в городскую думу с заявлением – «*полезна ли городу его деятельность и (что он) хочет оставить службу*». Но Дума единогласно поручила городскому голове передать архитектору, что Дума «*признаёт его деятельность и просит его не оставлять службы*». За оказанное ему доверие А. М. Салько на одном из следующих заседаний выразил благодарность

1 Известия Саратовской городской думы. Январь 1913 года. Отд. V. Саратов, 1913. Заседание 14.01.1913 года. С. 19–20.

2 Известия Саратовской городской думы. Январь 1913 года. Отд. VI. Саратов, 1913. Заседание 14.01.1913 года. С. 66.

Думе¹. Но термин оказался живуч и даже в начале 1910-х годов использовался газетами. Например, оценивая строительство здания для отделения Дворянского и Крестьянского банков, газета выразилась так: «архитектура не шаблонная “стиля салькоко”»². С. А. Каллистратов потом, много лет спустя, размышляя о подобном отношении, записал в одной из своих тетрадей: «На современном архитектурном языке слово “эклехтика” приняло характер какого-то устрашающего жупела, чего-то одиозного, почти ругательства, в силу чего часть архитекторов, чтобы избежать упрека в эклектизме, стремятся во что бы то ни стало к оригинальности и создают несуразную отсебятину. Между тем, если взять такие стили, как греческий, римский, ренессанс, барокко, то в них много общего, все они имеют один корень и являются производными от греческой классики, и ничего не будет предосудительного, если кто не случайно, а умело, со вкусом и знанием дела из элементов этих стилей создаст гармонично-увязанное целое. Быть разумным эклектиком гораздо лучше, чем бездарным создателем нелогичного и бессмысленного формотворчества».

Вот в такой атмосфере некоторого недоверия к саратовским архитекторам С. А. Каллистратов должен был спроектировать здание, которое вместило бы в себя два главных типа школ народного образования: начальную и повышенную школу (т. е. одноклассную школу и высшее четырёхклассное училище), а также учебное заведение для подготовки будущих руководителей школы, а попросту – Учительский институт. Посередине здания должна была поместиться начальная школа, по обеим её сторонам – по одному четырёхклассному училищу, из которых одно – женское, а другое – мужское. Над

1 Журналы Саратовской городской думы. Февральская сессия 1903 года.

2 Саратовский вестник. № 149 от 13.07.1910 года; Саратовский листок. № 117 от 1.06.1912 года.

училищами помещается Учительский институт. Для проектирования С. А. Каллистратов получил одобренные городской думой задания: для начальной школы – четыре классные комнаты по числу четырёхгодичного курса обучения, вводимого в недалёком будущем, причем один класс должен был быть вместимостью в 60 человек, второй в 50, а каждый из последующих в 40 человек. Кроме этого, в школе необходимо было предусмотреть учительскую (она же библиотека), уборные для девочек и мальчиков, раздевалку и широкий коридор как рекреационную зону, заменяющую зал.

В четырёхклассных училищах также по 4 класса: каждый из первых двух классов – вместимостью по 50 человек, последующие – по 40 человек, а ещё учительская, физический кабинет, комната для ручного труда, широкий рекреационный коридор, уборная и «раздевальня».

В Учительском институте 4 класса: два – по 50 человек, другие два – по 40 человек. Кроме того, необходимый набор комнат: учительская, библиотека, физический кабинет, комната для ручного труда, раздевалка, уборная, широкий рекреационный коридор.

Для всех учебных заведений проектировался актовый зал. Обязательны были четыре отдельные квартиры: четырёхкомнатная – для заведующего начальной школой (с отдельной передней и кухней); две такие же квартиры – для учителей-инспекторов четырёхклассных училищ; для директора Учительского института – квартира уже в 5 комнат, также с отдельной кухней и передней. Не забыли и сторожей. Их должно было быть 5 человек, и каждому полагалось 2 комнаты. Будущее место для постройки было выбрано управой в районе, соответствующем современному расположению Трамвайного депо на ул. Степана Разина¹.

1 Известия Саратовской городской думы. Январь 1913 года. Отд. VI. Саратов, 1913. Заседание 14.01.1913 года. С. 65–66.

Каллистратов предложил «несколько видоизменённый проект такого здания» со сметной стоимостью в 155 тыс. руб. Имеется в виду тот проект, который он подготовил ещё в конце 1911 – начале 1912 годов и на котором стояла дата – 26 февраля 1912 года. Первоначальный эскиз этого здания сохранился, и в нём уже прослеживаются черты индивидуального «каллистратовского» стиля, который он потом будет использовать в постройках школ, хирургического корпуса городской больницы и здания Общества взаимного от огня страхования: колонны ионического и коринфского ордера, циркульные окна первого этажа, фризы с художественной лепкой, декоративные гирлянды и венки на плоскостях фасадов. Не забыт был и герб Саратова при входе в здание.

Каковы были проекты двух бесплатных народных библиотек-читален, мы не знаем. Эскизов их не осталось.

Творческая работа архитектора требовала определённых условий, в том числе житейских, ведь, помимо служебных обязанностей, люди этой профессии занимались частной практикой, о чём, собственно, и говорит пример Семёна Акимовича. Наконец, надо было устраивать семью.

72	Калерть А. В.	Здание Госуд. Банка.
114	Калининкова Е. В. . . .	Никольск., ад. б. Марии. гимназии.
142	Каллистратов П. М. . . .	Царицынск., 80–82.
95	Каллистратов С. А. . . .	Гостиница „Европа“.
103	Калмаков М. А.	Астраханская, 69.
70	Калюш-Островский Ф. С. .	Михайловск., 53.

Адрес С. А. Каллистратова на 1912 год.

Памятная книжка Саратовской губернии на 1912 год. С. 296

Приехав в Саратов в начале августа 1911 года, Каллистратов поселился в гостинице. Потом он несколько раз брал отпуск для перевозки семьи в Саратов, но всё равно первый его

адрес в Саратове – это всего лишь гостиничный номер в «Европе» на углу ул. Немецкой (ныне – пр. Кирова) и Александровской (ныне – ул. Горького).

Гостиница «Европа» в доме Санина

Кроме удобной квартиры, для размещения семьи таким творческим личностям, как Каллистратов, просто необходима была отдельная комната-кабинет для работы. Ведь в большинстве случаев проекты зданий рождались не на службе с её суетой и шумом, а в тиши домашнего кабинета, когда все семейные и прислуга не могли побеспокоить его в процессе творчества.

Поиски квартиры для аренды в Саратове были нелёгким делом, и многие представители среднего класса отдавали предпочтение покупке собственного дома. Таковой нашёлся в центре, во 2-й части города, в 177-м планном квартале, на углу ул. Вольской и Малой Кострижной (ныне – ул. Пушкина).

Марина Дроздова

«Это всё от дяди Сени!»

Моего дорогого дядю Сенью, Семёна Акимовича Каллистратова, я помню – так же, как и моих родителей, – с самого моего младенчества, с момента, когда стала осознавать себя в окружающем мире. Он всегда присутствовал в моей жизни, даже когда не был рядом, и, будучи натурой очень сильной, активной, равнодушной, искренне и горячо любящей, оказывал большое влияние на меня.

Прежде чем поделиться своими личными детскими и юношескими воспоминаниями о дяде Сене, я должна вернуться к истокам, на много лет назад, к началу XX века – к истории нашей семьи. К сожалению, даже сейчас мои знания об истории семьи далеко не полны и не идут дальше поколения моих дедушек и бабушек, да и о них мне известно до обидного мало. А уж тогда, в детстве, я знала только то, чему была свидетелем, что видела своими глазами. Никто не рассказывал мне о прошлом. Я не знала, например, что отец дяди Сени был священником (тогда об этом не было принято говорить). Много позже услышала о нём взволновавшую меня историю. Отец Аким жил в селе Коренское Рыльского уезда Курской губернии, служил в Рождество-Богородицкой церкви. Однажды, идя по улице, он нашёл свёрток, в котором

«Это всё от дяди Сени!»

оказалась довольно внушительная сумма денег. Хорошо зная всех своих прихожан, отец Аким вспомнил, что его односельчанин продал свою старую корову и, прибавив с трудом накопленных денег, собирался купить новую. Для него эта потеря означала конец жизни. Батюшка сразу же побежал к нему, чтобы поскорее вручить ему пропажу, и, открыв дверь его избы, увидел, что тот в отчаянии уже готовил себе петлю...

Священником стал и один из старших братьев Семёна Акимовича, Василий Акимович, 1870 года рождения. В 1920-х годах он получил приход в Рыльске, пользовался любовью и уважением прихожан. Увы! Его судьба была типичной для священнослужителей той эпохи. Он был арестован 9 августа 1937 года и уже 30 августа расстрелян. Естественно, дядя Сенья никогда не говорил об этом.

Отец С. А. Каллистратова с сыном Василием

Но вернёмся к нашему повествованию о дяде Сене. В самом начале XX века в приморском городе Новороссийске

ший учитель рисования и черчения, Борис Эмильевич, никогда не высказывал ни малейших подозрений или сомнений по поводу «моих» ослепительно совершенных работ!

Не помню точно год – я была уже достаточно взрослой девочкой, старшеклассницей, – дядя Сеня серьёзно заболел. Врачи констатировали рак прямой кишки. Необходима была операция. Его положили в больницу, которая находилась где-то за Соколом, в Покровском-Стрешнево. Помню это, так как уже самостоятельно ездила туда несколько раз навеситить его. Операцию дядя Сеня перенёс хорошо, стал быстро поправляться. Он мужественно приспосабливался к новым условиям жизни: ему сделали отвод. С этим он прожил ещё добрых 15 лет. Дома часто говорили, что, вероятно, диагноз был ошибочным и можно было не делать этого отвода. Но что сделано, то сделано. Дядя Сеня никогда не жаловался, только всегда строго соблюдал определённую диету, чтобы не перегружать кишечник.

Шли годы. Я выросла. Мой любимый дядя Сенечка старел. Настал момент, когда ему стало трудно приезжать в Москву. Он безвыездно жил в Новороссийске. Находили каких-то женщин, которые ухаживали за ним, готовили, убрали. Иногда Наташа в зимние месяцы ездила к нему. Увы, ни я, ни мама не могли принять участие в этом: я училась, мама не хотела оставить меня одну... Но что было всегда – это переписка. То была эпистолярная эпоха, и все писали друг другу. Я с детства обожала писать письма, и по всеобщему признанию мне этот жанр удавался. В письмах к дяде Сене я старалась как можно подробнее и красочнее описать нашу с мамой жизнь, чтобы порадовать его. Он тоже до конца дней писал: помимо писем, вёл дневник своих невесёлых размышлений о состоянии современной архитектуры. Письма его всегда содержали целый ряд полезных, нравоучительных советов.

При этом с высоты своего возраста – а он дожил до 93 лет, сохраняя абсолютно светлый ум и прекрасную память, – в каждом из нас он видел своих детей.

В последний раз я посетила дом в Новороссийске уже в конце 1970-х годов. Мы с мужем, певцом Юрием Федорищевым, были на гастролях в Краснодарском крае и заехали к моей кузине Наталье. Дом остался прежним, вид его навевал воспоминания... Но окружение изменилось до неузнаваемости: сад был урезан, вокруг высились стандартные новостройки. Хорошо, что дяде Сене не довелось этого увидеть...

Мне очень горько признаться в том, что последние годы жизни дяди Сени, когда он наверняка особенно нуждался в реальных проявлениях нашей к нему любви, ни я, ни мама не оказывали ему должного внимания. Причин, конечно, можно назвать немало: три года я работала по распределению в городе Брянске, затем – замужество, рождение ребёнка... Когда дядя Сеня умер, моему сыну едва исполнилось два года... Мама всегда была очень слабого здоровья, самостоятельно никуда не ездила... Так или иначе, мы не были с ним в его последние месяцы, не присутствовали при его кончине и не хоронили его. С ним была Наташа.

Сознавать это очень больно. Но из песни слова не выкинешь.

Дядя Сеня живёт в памяти сердца, рядом с мамой и папой, как са-

Антонио Канова, «Амур и Психея»,
авторская копия скульптуры,
находящейся в Лувре.
Из коллекции С. А. Каллистратова
в квартире М. А. Дроздовой

Мебель из дома С. А. Каллистратова

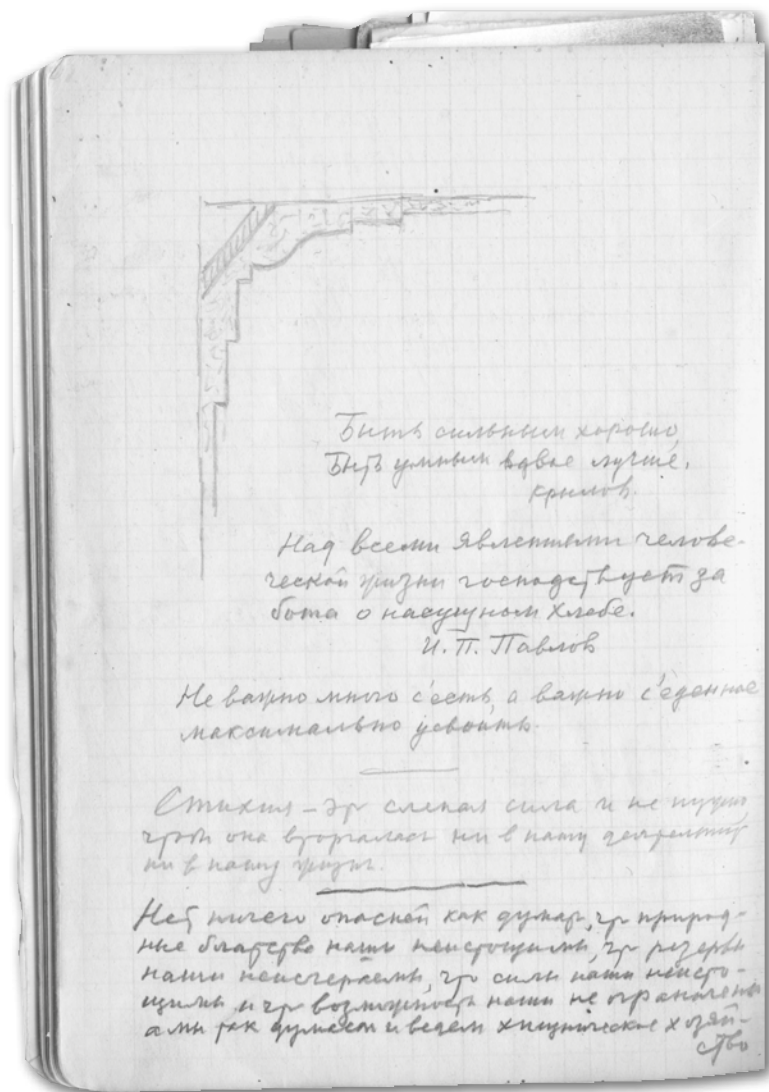

Картина из коллекции С. А. Каллистратова в интерьере М. А. Дроздовой
Русская художница А. П. Шнейдер. (1863–1942)
«Вид собора святого Петра в Риме из садов Пинчо»

мый близкий и дорогой мне человек. Он стал так же близок и дорог всем членам нашей большой семьи, о нём знают все наши друзья, мы постоянно упоминаем его имя, говорим о нём. Это – отнюдь не преувеличение и объясняется очень просто. Помимо памяти сердца, слишком многое напоминает о нём. Мы живём в окружении вещей, принадлежавших дяде Сене. На стенах висят картины из его коллекции, на саратовских тумбочках стоят скульптуры; мы едим из посуды, которая была вывезена в своё время из Саратова; в комнатах стоят сохранившиеся кресла, письменный стол, посудный шкафчик. Всё это распределено между нашими детьми, всё это видят и наши внуки. Многие вещи живут со мной всю жизнь, так как они всегда были в нашей с мамой комнате. Когда в 1965 году – дядя Сеня ещё был жив – родился мой сын Володя, первой колыбелью ему служили два саратовских кресла, составленных вместе. Большая часть вещей оказалась у нас после смерти Наташи. Последние три года она жила в нашей семье и умерла на руках моего сына Володи, который к тому времени стал священником, отцом Владимиром, и служил в храме Святителя Николая в Хамовниках. Мы с мужем работали тогда за границей, на Тайване.

Естественным образом все вещи, которые Наташа хранила в неприкосновенности, перешли к нам. Относясь к этому семейному наследию крайне бережно и трепетно, мы тем не менее вместе с нашими детьми и внуками пользуемся всеми вещами: любимся картинами, в праздничные дни ставим на стол красивую старинную посуду, не забывая сказать: «Это всё от дяди Сени!» Дядя Сеня всегда с нами, так же как и моя мама, Софья Владимировна, как и Наташа, Коля, их мама, Евгения Владимировна, и все наши почившие родные.

Дядя Сеня сам «позаботился» о том, чтобы не быть забытым.

Страница саратовского дневника С. А. Каллистратова

О мемуарном наследии С. А. Каллистратова

Одной из ярких черт творческой натуры Семёна Акимовича Каллистратова было тяготение к литературным занятиям. Он всегда ощущал потребность доверить бумаге свои мысли о происходящих вокруг событиях, чётко сформулировать соображения профессионального характера, мнения о людях, делал выписки из прочитанных книг, русских и французских, собирая мудрые высказывания великих мира сего, словно беседуя с ними. В архиве Саратовского краеведческого музея находятся и черновики нескольких его статей второй половины 1950-х годов, времени, когда особенно бурно кипели страсти вокруг проектов создания важных в идеологическом отношении сооружений, таких как пантеон, памятник В. И. Ленину и Дворец Советов.

Вниманию же читателей этой книги предлагаются три наиболее интересных документа из наследия С. А. Каллистратова: воспоминания о годах юности, написанные уже в 1958 году («Страницы прошлого»); записи, относящиеся к саратовскому периоду жизни («Саратовский дневник 1914–1917 гг.») и гораздо более поздние, московские записки («Московский дневник 1954–1960 гг.»).

Со страниц этих записок встает образ их автора – человека талантливого, волевого, решительного, не идущего на компромиссы, болеющего за дело. Таким Семён Акимович оставался до конца своих дней. Возникает яркая историческая панорама, картина нравов, увиденные его зорким глазом, представление о художественных вкусах и течениях двух эпох российской жизни.

«Саратовский дневник» Семен Акимович вёл с мая 1914 года по январь 1917 года. Записей немного, всего 15. Прекрасно сохранившейся чёрной тушью, своим характерным размашистым почерком писал он о насущных хозяйственных проблемах города, связанных со строительством, с ремонтом, нехваткой питьевой воды, надвигающейся эпидемией, со снабжением.

Обладая острым, критическим умом, будучи профессионалом с широким кругозором, Семён Акимович все возникающие задачи видел в комплексе и мгновенно находил оптимальный экономический путь их разрешения. Но бразды правления, увы, были не в его руках, он был зависим от власть предержащих. Его записки полны чувства возмущения и одновременно сожаления и непонимания позиции хозяев города. Он не может равнодушно видеть их преступную медлительность, необъяснимое безразличие и явный непрофессионализм! Для него было совершенно очевидно, что нередко за всем этим стоит личная корысть, заносчивость, невежество и самодурство. В последней записи – от 1 января 1917 года, характеризуя глав города, Каллистратов прибегает к литературной параллели, вспоминая персонаж комедии Островского: *«Наше общественное управление, – пишет Семён Акимович, – в огромном своём большинстве состоит из каких-то Кит Китычей, с одной стороны, холопствующих, а с другой стороны издевающихся над населением...»*. Увы! Многие, о чём повествует «Саратовский дневник», звучит и сегодня достаточно остро.

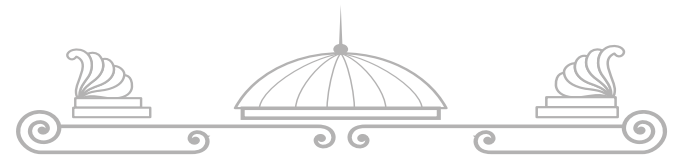
Не меньший интерес представляет «Московский дневник». Толстая общая тетрадь заполнена до последней страницы. На титульном листе написано: С. А. Каллистратов, 12.01.1954 года. Записи, в большинстве своём не датированные (самая поздняя из немногих обозначенных дат – 15 мар-

та 1960 года), воспринимаются как живое и многообразное течение мысли человека эрудированного, равнодушного, высокопрофессионального, болеющего душой за всё происходящее вокруг.

Нервнодушие – отличительное свойство характера Семёна Акимовича, черта, которую он искал, но далеко не всегда находил в других людях. На страницах дневника мы видим выписанную им цитату из Чехова: *«Равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть»*.

С. А. Каллистратов состоял членом Союза архитекторов, причём членом активным. Он участвовал во многих архитектурных конкурсах того времени, не оставался в стороне от обсуждения насущных вопросов Союза. Его знали, уважали, к его мнению прислушивались, хотя и опасались его нелюбимых, подчас резких оценок.

В «Московском дневнике» читатель найдёт размышления и конструктивные идеи, касающиеся разных направлений в современной архитектуре, таких как панельное строительство, особенности планировки социалистического города, вопросы реконструкции Москвы, изменений в характере её застройки. Есть и более общие рассуждения: о красоте архитектурных форм, об эстетике города, мысли по вопросам архитектуры. И везде красной нитью проходит мысль: «Архитектура должна служить народу».

Семён Каллистратов

Записи для себя

Воспоминания и дневники

Страничка прошлого

Воспоминание о Дубровинском И. Ф.

В конце августа 1894 года после изнурительной процедуры вступительных экзаменов я был принят в Курское землемерное училище.

Учился я в нём неплохо, поведения был примерного и вскоре сделался любимым учеником директора училища, заслуженного геодезиста, грузного и важного старика в чине генерала с каким-то орденом на груди.

Материальное моё положение в то время было незавидным. Я имел один урок, за который получал 5 руб. в месяц, и на эти деньги с горем пополам существовал. Жил в маленькой невзрачной комнатке дворового деревянного флигелька в тупике за какой-то церковью, стоявшей впереди на площади.

По утрам, идя в училище, почти каждый день я встречал на улице одного совсем ещё юного молодого человека в фор-

ни, моя неопытность и ребяческая наивность. Тем не менее я устроился в Швейцарии, получил специальное образование и закончил начатое при помощи Дубровинского формирование своего социально-политического кредо при непосредственном содействии Г. В. Плеханова.

Когда 7 лет спустя я снова очутился в России, то, будучи уверенным, что такой человек, как Дубровинский, не может затеряться даже среди многих миллионов людей, я начал его разыскивать и был крайне огорчён безрезультатностью моих поисков, ведь он был прирождённым конспиратором. И только лишь после Октябрьской революции, когда тайное сделалось явным, я узнал, что Дубровинский действительно не затерялся, что, сделавшись социал-демократом ещё на школьной скамье, он по окончании реального училища переехал в Москву и стал на опасный и тяжёлый путь профессионального революционера под кличкой «Иннокентий», и, проведя около 13 лет своей короткой жизни в тюрьмах и ссылках, обессиленный туберкулёзом и тяжёлой борьбой, он преждевременно погиб в 1913 году в диком Туруханском крае на берегах Енисея, не дождавшись торжества своих идей и своей беззаветной революционной деятельности¹.

1 *Калистратов С.* Страничка прошлого (Воспоминание о Дубровинском И. Ф.). Рукопись. Машинописная копия. 1958. С. 1–22.

Саратовский дневник 1914–1917

Вопросы городской общественной жизни

3 мая 1914

Вот уже много месяцев, как Саратов пьёт воду, ничем не отличающуюся от той, которая в Волге, – пьют, возмущаются, много без толку говорят, – но никто серьёзно и веско не протестует. Факт сам по себе возмутительный: иметь фильтры, платить за воду довольно большие деньги и пить буквально грязь, при одном виде которой вас начинает тошнить; но что возмутительного в этом факте, так это то, что заведующий водопроводом явно втирает очки обществу и Управе, заявляя, что трубы старые, что в них много накопилось грязи и что, дескать, от этого и вода мутная. Между тем для всякого хоть сколько-нибудь понимающего дело ясно, что воду дают или плохо фильтрованную, или же, вернее, совсем нефiltroванную (sic!), ибо пропускная способность фильтров недостаточна.

27 декабря 1914

Выбранные на срок члены Управы буквально являются в городе «халифами на час». И вместо того, чтобы проявлять вдумчивость, дальновидность и серьёзное отношение к делу, иной раз положительно поражают вас своим легкомыслием, доходящим иной раз до абсурда.

Вот вам энергичный городской голова В. Но, сев на кресло головы, он точно с цепи сорвался и начал делать и то, что нужно, и то, что совершенно не нужно. А главное – как делать! Без сис-

темы, без порядка, без планомерности, совершенно не задумываясь над тем, что будет из того, что он сегодня делает. Так и кажется, что он это делает не для блага города и его населения, а из каких-то невысоких личных побуждений, обнаруживая какую-то непозволительную в серьёзном деле спешку: скорей, скорей, лишь бы сделать, а что из этого выйдет, потом, дескать, разберутся, а мне лишь бы сделать. Таким образом был устроен в Саратове трамвай и освещение, безбожно эксплуатирующие сейчас город. Таким образом была устроена совершенно игрушечная канализация, в которую ничего нельзя спускать, которая не может даже обслуживать подвальных помещений домов, расположенных на главной (Немецкой) улице. Не говоря уже о том, что эта канализация поминутно засаривается, затопляет дворы и подвалы, что присоединение к ней стоит баснословно дорого благодаря бесконечным техническим требованиям, а между тем стоило лишь увеличить диаметр труб, и все эти требования отпали бы...

Таким образом строится сейчас Крытый рынок, который будет стоить огромных денег, будет давать убыток и совершенно не будет отвечать своей цели...

Таким образом в настоящее время приступают к составлению проектов моста через Волгу и устройства набережной.

Сейчас, когда вы хотите обратить внимание на те или другие стороны этих вопросов, от вас отбиваются, как от назойливой мухи, считают, что вы хотите затормозить дело, и спешат, спешат, валят через пень-колоду – словом, нам лишь бы сварганить дело, – а там, после нас, хоть трава не расти.

29 декабря 1914

Кабинет гор(одского) головы. По приглашению городского головы собраны все члены Управы для управского (неразборчиво) заседания. Тут же по текущим делам пришли (неразборчиво) инженеры канализации, несколько делопроизводителей,

архитектор и ещё какие-то лица. Городской голова, созвавший всех сюда, сидит, уткнувшись в какую-то длинную бумагу, и читает её – все сидят, ждут, некоторые нервничают, очевидно, торопятся куда-то, некоторые переливают из пустого в порожнее, – а время идёт (страница оборвана) ... (прошло) 20 минут (а городской голова всё читает, читает... всем надоело... смотреть на это безобразие).

10 марта 1915

В школах-дворцах обнаружена большая течь в крышах, стены покрыты плесенью и грибами – такая в них сырость. Конечно, члены Управы стремятся свалить всё на архитекторов. Но что такое архитектор при Городской управе?! Это безгласный статист, нужный члену Управы лишь для того, чтобы им прикрываться там, где грозит хоть малейшая ответственность... (оторван угол страницы)... это служащий, не имеющий никакого самостоятельного значения, ни решающего голоса, служащий, специальное назначение которого – быть чем-то вроде личного секретаря члена Управы, поддерживать его во всех технических нелепостях, которые придут в голову члена Управы, и защищать его в тех случаях, когда эти нелепости дают себя чувствовать.

Когда же архитектор из безгласного и послушного члену Управы существа превращается в самостоятельного человека с личной инициативой и определёнными взглядами на строительное дело, не совпадающими со взглядами члена Управы, то последний начинает вопить, что архитектор ничего не делает, и идёт в Управу с жалобами на то, что архитектор мешает ему, члену Управы, строить и, вообще, тормозит дело своим вмешательством, и доходит до такой наглости, что просит устранить архитектора от работ и предоставить ему, члену Управы, строить самостоятельно.

Так было со мной, когда я позволил себе забраковать доски того поставщика (Кудасова), которому мирволил член Управы Воронин.

сколько хочешь среди общественной жизни, и наши общественные управления в огромном своём большинстве состоят из каких-то Кит Китычей, с одной стороны – холопствующих, а с другой стороны – издевающихся над населением и требующих от лиц, им подчинённых, чтобы они беспрекословно исполняли всё то, чего «нога его хочет». Не верится, чтобы такой великий народ не мог найти среди себя руководителей и вождей, которые очистили бы русскую землю от всей этой погани, ото всех этих проходимцев и негодяев. Не верится!

А когда всматриваешься в действительность, то приходишь в ужас, руки опускаются, и не знаешь, с чего начать и к чему приложить свою энергию и свои силы, – так они ничтожны по сравнению с тем, что нужно сдвинуть.

Московский дневник 1954–1960

Кто сознаёт своё ничтожество, тот всех умней, тот выше всех. Счастье только там, где любят нас, где верят нам.

Обществознание сегодня. Третьего декабря 1954 года.

Синтетическая химия представляет собой эмпирическую науку, в которой большую роль играет интуиция и практические знания.

Будь рад своим страданиям,
Тоске своей будь рад.
Все чуткие, все лучшие
Тоскуют и грустят.

Д. Ратгауз¹

Наука – это выявление тех законов, которым подчинены те или другие явления.

В вульгарном же смысле этого слова наука – это совокупность знаний в той или другой области.

Прикладная наука – это учение о способах воздействия на явления или на объекты для извлечения из них пользы.

1 Ратгауз Даниил Максимович (1868–1937) – русский поэт, автор текстов многих известных романсов.

Человек по своей природе свободолюбив, и мысль его не должна быть скована какими-либо догмами, в особенности же догмами, являющимися порождением фанатизма и нетерпимости.

Душа – это синтез (совокупность, объединение) разума и чувств, координирующий и направляющий жизнь и деятельность человека, являющегося частью природы, подразделяющейся на 2 части: неорганическую и органическую, тесно увязанные между собой.

С. К.

На форзаце:
Reductio ad absurdum, т. е. доказательство путём доведения до абсурда.

Семён Акимович Каллистратов

*С. А. Каллистратов с сыном Николаем
и дочерью Натальей*

Открытка сыну Николаю от С. А. Каллистратова

Наталья Каллистратова

Николай Каллистратов

О. А. Каллистратова-Болтянская и Н. С. Каллистратова. 1965

Содержание

<i>С. Калистратова, В. Давыдов.</i> Из прошлого в будущее..	5
<i>В. Давыдов.</i> Дворцы и замки архитектора Калистратова	13
<i>М. Дроздова.</i> «Это всё от дяди Сени!»	202
<i>С. Калистратов.</i> Записи для себя.	241
Страничка прошлого.	
<i>Воспоминание о Дубровинском И. Ф.</i>	241
Саратовский дневник 1914–1917	263
Московский дневник 1954–1960	277

*Историко-биографическое,
документальное издание*

Давыдов Вячеслав Иванович

Дворцы и замки архитектора Калистратова

Главный редактор – Н. Дегтярёва
Дизайн и верстка – Е. Моисеева
Корректор – Н. Занозина

Подписано в печать 17.08.2015. Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 12,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 734.

Издательство ИП Везмегинова А. Н.
410069, Россия, г. Саратов, ул. Шехурдина, 28.
Тел. 8 927 913-93-24. E-mail: chara-studio@mail.ru.

Отпечатано в ООО «Поволжье» (типография РИДО).
г. Нижний Новгород,
ул. Шаляпина, д. 2 а